

Радомир Кадук

# Тайны Сумеречной Академии

# Радомир Кадук

# Тайны Сумеречной Академии

*<https://litres.ru/74431213>*

*SelfPub; 2026*

## Аннотация

В элитной Сумеречной Академии скрывается больше секретов, чем звёзд на ночном небе. Игорь, юный маг с непростой судьбой, оказывается в эпицентре событий, которые изменят не только его жизнь, но и судьбу всего магического мира. Игорь обладает редким даром видеть то, что скрыто от других. Переступив порог древней академии, он обнаруживает, что его способности — лишь малая часть его истинного потенциала. Здесь, среди древних стен, где каждый камень хранит свои тайны, ему предстоит не только овладеть магией, но и разгадать загадки собственного прошлого.

Его творческий максимализм и обострённая эмпатия помогают раскрывать тайны академии, а врождённая проницательность позволяет видеть то, что ускользает от взгляда других.

Тайны Сумеречной Академии — это история о взрослении, поиске себя и борьбе за право быть собой в мире, где каждый день может стать последним. Это роман о том, как один человек может изменить ход истории, если верит в свои силы и не боится смотреть правде в глаза.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Тишина между кадрами              | 4  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 12 |

# **Радомир Кадук Тайны Сумеречной Академии**

## **Глава 1**

### **Тишина между кадрами**

Свет в квартире Воронцовых никогда не был просто светом. В час, когда солнце начинало клониться к шпилям Новодевичьего, оно пробивалось сквозь высокие окна старого доходного дома, разрезая гостиную на две неравные половины. В одной — теплая позолота, пылинки, танцующие в луче, и иллюзия уюта. В другой — холодная тень, где прятался он, Игорь.

Ему было четырнадцать, и он ненавидел это время суток. Время, когда тишина в доме становилась особенно звонкой, предвещая бурю.

Игорь сидел на полу своей комнаты, прислонившись спиной к холодной поверхности новой, пахнущей краской двери. Комната была залита ровным белым светом, безжалостным, как в операционной. После «недавнего ремонта», о ко-

тором мама говорила с гордостью, а отец с плохо скрываемым раздражением, квартира стала чужой. Слишком гладкой, слишком правильной. В ней не осталось щелей, за которые мог бы зацепиться взгляд, ищущий историю.

Перед Игорем, на расстеленной чёрной футболке, служившей импровизированным рабочим столом, лежали его сокровища: мотки медной проволоки, россыпь крошечных аметистов, похожих на застывшие слезы, и баночка с эпоксидной смолой. В руках он держал незаконченный кулон. Крошечная латунная оправа, а внутри — миниатюрный мир: срез зелёного мха, кусочек засушенного папоротника и слой прозрачной смолы, имитирующий воду.

Это должен был быть подарок. Очередная попытка склеить то, что трещало по швам. Он создавал для матери миры, в которых царил покой, застывший навеки. Маленькие, идеальные вселенные, где не было места крику и хлопанью дверьми.

Из-за стены, из кухни, послышались голоса. Сначала тихие, как отдаленный гул, они быстро набирали силу.

— ...Я не понимаю, Саша, зачем мы вообще затеяли этот переезд? — Голос матери, Анастасии Николаевны, был высоким, вибрирующим от напряжения. — Ты видишь этот кафель? Итальянский! Я выбирала его для нас, для семьи!

— А я вижу счета за этот итальянский кафель, Настя! — Голос отца, Александра Сергеевича, был глухим, усталым, как скрип старого паркета. — Ты хоть представляешь, сколь-

ко я должен пахать, чтобы оплачивать твои представления о прекрасном?

Игорь замер. Пальцы, державшие пинцет, дрогнули. Маленький лист папоротника сбилсся, испортив идеальную композицию. Он сжал челюсти. \*«Почти готово»\* — этого понятия для него не существовало. Теперь работа была уничтожена. Как и его надежда на тихий вечер.

Он слышал эти споры столько раз, что мог бы пересказывать их наизусть. Это был бесконечный пинг-понг, где мячиком служили деньги, внимание и эфемерный «успех». Отец защищался, мать нападала, а он, Игорь, был тем самым судьей, которому запретили свистеть.

— Я не пропадаю на работе! Я строю наше будущее! — донесся голос отца. В нём появились стальные нотки, которые Игорь ненавидел больше всего. Нотки оправдания.

— Будущее? — Мать горько усмехнулась. — Твое будущее — это чертежи и совещания. А наше настоящее — это я, разговаривающая со стенами, и твой сын, который прячется в своей комнате, потому что боится лишний раз выйти!

Слова ударили под дых. Игорь аккуратно положил пинцет. Осторожно, чтобы не звякнуть. Он научился двигаться бесшумно, как призрак в этом доме. Взгляд упал на смартфон, лежащий рядом. Экран был тёмным, но в его отражении он увидел себя: бледное пятно лица, высокий лоб и глаза — миндалевидные, карие, смотрящие сейчас с какой-то затравленной проницательностью. Он редко смотрел прямо.

Даже на себя.

Он поднялся. Медленно, бесшумно. Подошел к окну. Вид на Москву-реку, который стоил, по мнению мамы, целого состояния, открывался во всей своей вечерней красе. Вода была спокойной, равнодушной. Она несла свои тёмные воды мимо, не замечая маленькую драму на Пречистенке.

Игорь взял со стола свой телефон и нажал на иконку камеры. Он не стал наводить на реку. Он поднес объектив к самому стеклу, фокусируясь на собственном размытом отражении на фоне пейзажа. Один кадр. Второй. Он снимал не мир, а границу между собой и миром. Силуэт в раме.

Голоса за стеной стихли, сменившись звенящей, острой тишиной. Такой, какая бывает после вспышки молнии, за секунду до удара грома. А потом хлопнула входная дверь. Так сильно, что задрожала дверь его комнаты.

Отец ушел.

На мгновение воцарилась полная тишина. Затем послышался всхлип. Тихий, отчаянный. Плач матери. Игорь стоял, прижавшись лбом к холодному оконному стеклу. Он хотел пойти к ней. Обнять. Сказать, что он рядом. Но ноги словно приросли к полу. Он знал, что будет. Она отстранится, вытрет слезы и скажет с натянутой улыбкой: «Все хорошо, милый. Это взрослые дела. Иди к себе». И он снова будет изгнан в свою «башню из слоновой кости», бесполезный свидетель.

Бессилие накрывало удушливой волной. Ему хотелось кричать, но кричать в этом доме было нельзя. Ему хотелось

плакать, но слёзы, казалось, застыли где-то внутри, превратившись в кристаллы.

Тогда он развернулся, подошел к своему столу и сгреб незаконченный, испорченный кулон в ладонь. Он сжал его так сильно, что кусочек проволоки впился в кожу. Боль отрезвляла. Боль возвращала контроль.

Он сел за стол, включил маленькую светодиодную лампу. Достал лупу с креплением на голове, превращающую его в забавного циклопа. В этом обличье он был не напуганным подростком, а мастером. Творцом.

Новая идея пришла внезапно. Он достал форму для заливки, прозрачный кабошон. Решил не делать очередной «миленький пейзаж». Вместо этого он взял самый тёмный пигмент, какой у него был — чёрный, матовый. И начал смешивать его со смолой. В эту черную, вязкую субстанцию он вложил всю ту тревогу, которая сдавливала грудь. Он делал не красоту. Он делал тьму. Маленькую, обрамленную в латунь, тьму.

Телефон завибрировал. Сообщение от Миши.

\*«Чё как? Трек почти дописал. Нужна обложка. Твоя тема — снять тоску в лучах заката. Слабо?»\*

Игорь слабо усмехнулся. Миша всегда знал, когда ему было плохо. Его друг умел говорить с ним на языке образов, минуя пустые слова утешения.

Он перевел взгляд на окно. Солнце почти село, окрасив небо в болезненно-красные и сиреневые тона. «Тоска в лу-

чах заката». Миша угадал настроение с точностью до миллиметра.

Игорь отложил недоделанный кулон. Он вышел из комнаты. В коридоре пахло одиночеством и дорогим освежителем воздуха. Около двери в спальню матери он на секунду замедлил шаг. За дверью было тихо. Он не стал стучать. Он просто пошел дальше.

Он оделся в прихожей: черная футболка, джинсовая куртка с вышивкой на спине — его броня от внешнего мира. Проверил в кармане наушники. Коснулся пальцем кольца в ухе — привычный жест, успокаивающий ритуал.

Выйдя на лестничную клетку, он сбежал по ступенькам вниз, перепрыгивая через одну. Парадное старого дома встретило его прохладой и запахом пыли. Он толкнул тяжелую деревянную дверь и вышел на улицу.

Вечерний воздух ударил в лицо. Москва шумела, жила, дышала, не обращая внимания на его личную войну. Это отрезвляло. Он вставил наушники, нашел плейлист, который они собрали с Мишей, — «Саундтреки к снам». Зазвучали эмбиентные аккорды, смешиваясь с шумом города.

Он шел по Пречистенке, снимая на бегу. Старушка с такой, так похожей на неё саму. Отражение фонаря в луже. Молодая пара, спорящая у витрины книжного магазина, но не так, как родители, а с улыбками. Тень, скользящая по стене. Ему нравилось подглядывать за жизнью через объектив. Так он чувствовал себя не отщепенцем, а наблюдателем. Лов-

цом мгновений искренности, которые ускользали от обычного взгляда.

Он дошел до Патриарших прудов. Здесь, в сгущающихся сумерках, было особенно красиво. Он сел на лавочку, глядя на тёмную воду. Он знал, что вернется домой через час или два. Мама уже возьмет себя в руки, сделает вид, что ничего не произошло, и, возможно, предложит ему чай с его любимым клубничным вареньем. Он согласится, и они будут сидеть на кухне, говоря о пустяках, старательно обходя зияющую пустоту в том месте, где должен был быть отец.

Эта предсказуемость убивала.

Он навел камеру на свое отражение в тёмной воде пруда. Размытый, искаженный силуэт с огнями города вместо глаз. Игорь задержал дыхание.

\*Щелчок.\*

Ещё один кадр. Не о мире. О себе в этом мире. О том, каково это — быть четырнадцатилетним, испуганным и одновременно старым душой, бессильным изменить то, что происходит в самом сердце твоей жизни.

Ему хотелось понять. Почему взрослые, обладая всем — любовью, деньгами, свободой — выбирают войну? Почему они не видят ту самую красоту в кадре, которую видит он? Он снимал не для того, чтобы что-то доказать. Он снимал, чтобы понять. Понять, как устроена ложь, стоящая за натянутыми улыбками. Понять, почему дом, полный света и новых вещей, может быть самым холодным местом на земле.

Ответы ускользали, таяли, как отражение в воде. Но пока он держал в руках этот дешёвый смартфон с единственным «глазом», он чувствовал хоть какую-то опору. Он был не просто Игорем Воронцовым, сыном своих родителей. Он был наблюдателем. Тем, кто пишет историю светом и тенью. И пока камера была с ним, тьма не казалась такой уж непроглядной.

Он вытащил из кармана наушник, чтобы услышать дыхание города. Москва дышала. Неровно, судорожно, но дышала.

Игорь улыбнулся уголком губ и снова поднес телефон к лицу, ловя в кадр золотую нить заката, запутавшуюся в кронах деревьев. Теперь он знал, какой будет обложка для Мишиного трека. Это будет он сам, тонущий в закате. Силуэт, растворяющийся в последних лучах. Тоска, обретшая форму. Пора за работу.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.